

После того как Чэн Лан выбрал птицу, он не спешил уходить. Цзян Дун помогал Чжоу Хуэю регистрировать и проверять новых птиц, а он, не зная, чем заняться, обошел весь магазин, осматривая его. Его единственные воспоминания о птицах были связаны с деревней, где старики сидели под деревьями, болтая, а у их ног стояли клетки, некоторые покрытые тканью, другие — нет. Они могли часами обсуждать птиц. Еще он помнил майну на подставке в доме, с которой старик мог спорить часами, никогда не уставая.

С тех пор как он познакомился с Цзян Дуном и получил возможность посещать магазин птиц, он заметил, что тот не слишком стремится рассказывать ему о птицах. Хотя ему самому было бы интересно узнать больше, ведь эти маленькие создания выглядели такими забавными и умными.

Может быть, когда он состарится, тоже заведет целый дом птиц, чтобы развлекать себя.

Когда Цзян Дун закончил с делами в магазине и подошел к Чэн Лану, тот как раз протянул палец через щель в клетке, чтобы погладить перья птицы.

— Эй, — окликнул он, — она тебя сейчас клюнет.

Чэн Лан убрал руку, повернулся к нему и смущенно улыбнулся:

— Эти птицы такие интересные, я мог бы провести здесь весь день.

— Не получится, — Цзян Дун прислонился к деревянной полке, засунув руки в карманы. — Я закончил. Пойдем поедим?

Рядом на полках раздалось шуршание птиц. Чэн Лан с легким разочарованием кивнул:

— Тогда пойдём. Ты позвал Чжоу Хуэя?

Цзян Дун:

— Нет, он должен присматривать за магазином. Позже принесем ему еду.

Они пообедали недалеко от магазина, затем вернулись. Цзян Дун отдал Чжоу Хуэю упакованную еду, зашел в задний зал, взял птицу, расплатился, и они отправились домой.

Машина Чэн Лана была припаркована у обочины. Кайен, такая роскошная машина, выглядела совершенно неуместно на этой многолюдной улице. Чэн Лан и Цзян Дун, стоявшие рядом, тоже выглядели немного несочетаемо, как взрослый, ведущий ребенка на прогулку.

Они шли бок о бок к машине, и Цзян Дун, глядя на нее, вдруг усмехнулся:

— Ты уезжаешь двадцать пятого?

Послеполуденное солнце мягко светило, отбрасывая параллельные тени двух высоких и худых фигур. Тот, что сутулился, был Цзян Дун, а у того, у кого из-под плеча выглядывала прядь волос, — Чэн Лан.

Чэн Лан, опустив голову, наступил на свою тень:

— Да, еду домой на Новый год.

— А когда вернешься?

Цзян Дун выпалил это, не задумываясь.

Чэн Лан ответил, не раздумывая:

— Скоро.

...Скоро — это когда?

Прежде чем Цзян Дун успел спросить, Чэн Лан добавил:

— А ты? Где будешь... встречать Новый год?

С тех пор как он услышал слова сестры-Ракушки, его давно мучил вопрос, почему Цзян Дун живет у Сяо Маньтоу, почему, даже когда начались каникулы, он не поехал домой, и почему он будет встречать Новый год один.

Естественно, Цзян Дун не ответил.

Они молча сели в машину, и Кайен тихо тронулась с места.

Двигатель работал почти бесшумно, только поворотники издавали щелчки.

Школа при университете скоро показалась впереди.

— Может...

Цзян Дун уже положил руку на ручку двери, услышав голос Чэн Лана, он инстинктивно замер, но не повернулся, продолжая смотреть в окно.

Чэн Лан колебался не только всю дорогу. Эта мысль появилась у него еще тогда, когда он узнал, что Цзян Дун, несовершеннолетний старшеклассник, будет жить один, но он никак не мог найти подходящих слов.

Потому что он чувствовал, что Цзян Дун точно откажется.

— Может, поедешь со мной в деревню на Новый год?

Прошло некоторое время, но Цзян Дун не ответил. Чэн Лан, перестав смотреть на его затылок, тихо вздохнул и объяснил:

— Просто как поездка. Если ты будешь один в школе, это будет скучно. В деревне гораздо интереснее, чем в городе, Новый год там шумный, и я ненадолго, вернусь третьего или четвертого числа. Я еду на машине, это займет около двух часов, одному в дороге будет скучно...

Цзян Дун открыл дверь и вышел.

Цзян Дун взглянул на телефон. В приложении с погодой было написано минус один градус, а ниже мелким серым шрифтом — «пасмурно», с пометкой «сильное загрязнение».

Мысль о выходе из дома немного увяла, особенно когда он только вышел из общежития и сразу же замерз, захотев вернуться обратно. Он снова достал телефон и посмотрел прогноз на ближайшие часы: температура от минус трех до минус пяти градусов. Цзян Дун вздохнул, натянул капюшон и вышел.

Хотя каникулы уже шли больше недели, Цзян Дун, идя по улице, все еще чувствовал себя некомфортно из-за почти пустых улиц. Школа при университете находилась рядом с торговым районом, и обычно здесь было много людей, включая студентов и молодых людей с выбритыми висками и татуировками, что создавало довольно пеструю картину. Сейчас же, когда вокруг почти никого не было, Цзян Дун все равно чувствовал себя неловко.

В его голове невольно возникла картина, словно с высоты птичьего полета. Улица, здания по обе стороны, деревья, и видите ли, эта крошечная черная точка, как муравей, — это человек, отличник из школы при университете, только что вышедший из здания. На всей улице только он один, и он выглядит очень заметным.

Цзян Дун чувствовал, будто кто-то наблюдает за ним, возможно, это кто-то с высоты птичьего полета, злорадно улыбается и думает, как бы идеально раздавить эту черную точку одним движением пальца, а затем, глядя на неподвижную точку, громко смеяться.

Чтобы не дать этому воображаемому наблюдателю повода для смеха, Цзян Дун еще глубже уткнулся в воротник куртки. Он уже увидел такси, ожидавшее его на перекрестке, и, засунув руки в карманы, быстро подошел к нему.

Когда он вернулся домой, мама еще спала, дверь в спальню была плотно закрыта. Цзян Дун не стал открывать — мама наверняка заперла дверь. Уборщица приходила три раза в неделю, и он специально выбрал день, когда она была дома, потому что в присутствии посторонних мама не так сильно срывалась.

Уборщица уже готовила обед на кухне, но, не зная, что Цзян Дун вернется, собиралась добавить еще блюд. Он не хотел задерживаться, только хотел увидеть маму, когда она проснется, и уйти, поэтому не стал просить уборщицу готовить больше.

Мама проснулась через час. В это время Цзян Дун молча сидел в гостиной, телевизор был выключен, и он просто расслабленно откинулся на спинку дивана, прикрыв глаза и слушая звуки приготовления еды на кухне. Почти одновременно с тем, как дверь в спальню открылась, Цзян Дун нахмурился и поднял взгляд.

Выражение лица мамы, еще сонное, мгновенно изменилось. Её бледное лицо исказилось, но ожидаемой вспышки гнева не последовало — возможно, она действительно не хотела срываться при посторонних. Мама холодно посмотрела на Цзян Лана:

— Зачем ты пришел?

Её голос был немного хриплым, возможно, из-за простуды, а может, из-за того, что она снова приняла много снотворного.

Цзян Дун смотрел на нее, не говоря ни слова.

Он видел много фотографий мамы в молодости, и она действительно была похожа на младшую тетю. Но сейчас, даже если сходство и было, Цзян Дун часто не мог найти ничего общего между ними.

Вся семья дедушки была из южного региона, мама была настоящей девушкой из водного края, изящной и нежной, как образ из классической китайской поэзии.

Но теперь, глядя на её хрупкое, резкое и даже нервное выражение лица, Цзян Дун вдруг забыл, зачем он сюда пришел.

Её когда-то длинные, блестящие черные волосы стали тусклыми и ломкими, как сухая трава, свисая по бокам её худых плеч. Щеки впали, и хотя у нее не было никаких физических болезней, она выглядела как человек, пораженный смертельной болезнью.

— Проснуться и увидеть такого никчемного, как ты, — это просто несчастье, — сказала мама, её лицо стало еще мрачнее, челюсть напряглась, и она слабо указала на дверь, глаза почти вылезая из орбит. — Убирайся из моего дома и не показывайся мне больше на глаза.

Цзян Дун закрыл глаза, стиснул зубы и тихо произнес:

— Я пришел сказать, что на Новый год меня не будет. Не устраивай сцен.

Мама нахмурилась:

— Кто...

<http://bllate.org/book/15499/1374880>